

Научные исследования Северо-востока Азии XVIII–XXI вв.

В. И. Борисов БУРНАШЕВЫ – ПРОВОДНИКИ НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Экспедиционная научная деятельность на Камчатке является составной частью истории отечественной культуры. Научные экспедиции на Камчатку начались в XVIII в., когда на полуострове работали Первая и Вторая Камчатские экспедиции.

В XIX в. здесь трудились В. М. Головин, А. Эрман, И. Г. Вознесенский, К. Дитмар, Б. Дыбовский, К. Богданович и многие другие.

В XX в. изучение полуострова приобрело новый качественный уровень и стало комплексным. В самом начале века В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон работают в составе Северо-Тихоокеанской экспедиции, в 1908–1910 гг. впервые на Камчатке работает комплексная экспедиция ИРГО (1).

Одной из самых сложных проблем на полуострове была возможность передвижения, т. к. отсутствовали дороги между населенными пунктами. Для поездок летом в основном использовали баты, позже часть маршрутов осуществлялась на лошадях. Зимой главным транспортным средством были собачьи упряжки, на севере же полуострова использовались олени упряжки. Первоначально маршруты проходили по восточному и западному побережьям и по долине р. Камчатки. По р. Камчатке маршрут пролегал на север по притоку – р. Еловке и через перевал – на Тигиль или по р. Озерной на восточное побережье.

Уже во второй половине XVIII в. путь от Петропавловска до устья р. Камчатки был практически не востребован, т. к. население там вымерло от эпидемии. Указанные пути активно использовались вплоть до середины XX в. За весь этот период путешественников сопровождали местные жители – коряки и камчадалы.

Обычно каюры везли своего пассажира до соседнего селения. Наименьшим расстоянием считалось между с. Мильково и соседними Верхнекамчатском (на юг) и Киргаником (на север) – менее 20 км. А между отдельными селами расстояние, в зависимости от пути по реке и зимним трактом, колебалось до 50–70 верст. Например, между Толбачиком и Козыревском.

Если на Камчатке работала научная экспедиция, то руководство, как правило, нанимало знающих местность людей на длительный срок, вплоть до нескольких месяцев. Камчадалы с детства знали окрестные места, а уже в подростковом возрасте участвовали в зимней охоте, которая проходила в значительной отдаленности от родного села. В ходе различных поездок «за луком», за ягодой, на рыбалку, на осеннюю охоту и др. они в совершенстве овладевали знаниями о речной системе, горных хребтах, перевалах и т. д. Все реки и горные вершины имели свои названия, которые передавались из поколения в поколения.

Например, участник экспедиции Ф. П. Рябушинского Ю. Лебедев, исследуя р. Камчатку в 1909 г., указывал, что практически большая часть названия рек и мест имеет ительменские корни, например: местность Шемухаць, остров Ицудацов, речки Арлосц и Кидынец, протока Бильценок и т. д. Русские названия тоже присутствуют: Кривая, Широкая, Поперечная и т. д., но в меньшей степени (2).

Первой комплексной экспедицией, которая прибыла на Камчатку, была экспедиция ИРГО, снаряженная на средства Ф. П. Рябушинского, которая работала в 1908–1909 гг. Проводниками этой экспедиции были: жители селения Толбачик – И. В. Митевский, Е. Е. Бобряков, И. П. Бушуев, Мер-

лин, житель Нижнекамчатска – И. Е. Сновидов, житель селения Камаки – А. С. Расторгуев, староста Ключевского селения – А. Н. Ушаков, житель Усть-Камчатска – А. К. Косыгин, житель Сероглазки – С. Атласов, староста Пушино, староста Машуры и др. (3). Из камчадалов-проводников большой вклад внес житель селения Начики Павел Григорьевич Бурнашев.

Доктор В. Н. Тюшов, автор известного труда «По западному берегу Камчатки», характеризует селение Начики, сообщает о проживании здесь семьи Бурнашевых:

«Начикинское селение, расположенное среди хребтов, считается, если не самым, то во всяком случае, одним из самых высоколежащих селений, приблизительно на 1000 ф. над уровнем моря. В нем с 1894 г. все те же – семь маленьких домов тех же домохозяев: Евгения Слободчикова, Григория Бурнашева, Федора Бурнашева...» (4).

Упоминание проводника Григория Бурнашева встречается у В. Л. Комарова. Два летних сезона в 1908–1909 гг. В. Л. Комаров возглавлял Ботанический отдел экспедиции Ф. Рябушинского. 27 мая участники экспедиции прибыли в Петропавловск. В первое лето В. Л. Комаровым была исследована южная часть полуострова: окрестности Петропавловска, район селения Начики, Охотское побережье в устьевой части р. Большой. В период работы в районе Начикинского озера и сплава по реке В. Л. Комарова сопровождали проводник Г. А. Бурнашев.

Во время путешествия по маршруту Петропавловск – Тарьинская бухта – Паратунка – Завойко – Начикинское озеро – Большерецк – до охотского побережья В. Л. Комаров упоминает писаря Начикинского селения Г. А. Бурнашева, указывая, что в своем путешествии из Начик в Большерецк по р. Плотниковой тот был его проводником. Во время путешествия Бурнашев сообщал Комарову информацию о реках, озерах, способах заготовки рыбы. «Про р. Щокоч (современное Сокоч) он сообщил, что она вытекает из озера, площадь которого в четыре раза меньше, чем площадь Начикинского озера...»

В. Л. Комаров отмечал, что Г. А. Бурнашев был грамотным человеком: «...староста Начики, очень симпатичный и умный человек, Д. Уваровский. Писарь Начикинского селения Г. А. Бурнашев». Далее характеризует Г. А. Бурнашева, В. Л. Комаров пишет: «Наш проводник, писарь, человек очень умный и наблюдательный, хороший промышленник», – и далее: «На стоянке Г. А. Бурнашев поделился с нами еще несколькими сведениями. Сненку, которой теперь так много в реке, иногда собирают, пока она еще свежа, и запасают на корм собакам в ямы...» (5).

В ходе экспедиции В. Л. Комаров знакомится и с семьей Г. А. Бурнашева, в том числе и с его сыном Павлом. Сын Григория Бурнашева Павел в 1905 г. окончил полный курс Петропавловского училища. В этот год аттестаты получили всего 3 ученика, среди них «Бурнашов Павел, сын инородца – камчадала, из селения Начики» (6). Павел Бурнашев участвовал в качестве проводника в шведской экспедиции в 1922 г.

25 июня 2015 г. исполняется 95 лет, как на Камчатку прибыла шведская научная экспедиция, внесшая заметный вклад в изучение полуострова. В состав экспедиции входили: руководитель, зоолог Стен Бергман, его супруга Дагни, ботаник Эрик Хультен, супруга Хультена – Эльза, энтомолог Рэне Малэз, препаратор Эрнст Хедстрем. На полуострове экспедиция работала три лета и две зимы и покинула Камчатку в сентябре 1922 г. Один из участников экспедиции Рэне Малэз долгое время еще изучал природу полуострова и пытался организовать соболиный питомник сначала в Ключах, затем на окраине с. Елизово. Эрик Хультен в своем отчете о путешествии на юг Камчатки неоднократно самым положительным образом характеризовал Павла Бурнашева: «Сразу с середины лета 1922 года мы отправились в путь на юг... Первым идет Бурнашев, маленький камчадал с косматыми, черными волосами и с медно-красным цветом лица. Он обут в “торбаса”, мягкие сапоги из медвежьей шкуры и с коротким карабином “винчестер” на ремне за спиной. У него тип, подходящий к какой-нибудь книге про индейцев, и я много раз на дню находил повод удивляться его невероятному инстинкту, когда он преследовал северного оленя по следу, разводил костёр в проливной дождь или находил проходимый путь, когда все возможные кажутся перекрытыми. Без сомнения, здесь чувствуется большой опыт, я никогда не позволял себе резкого замечания, даже когда мне казалось, что мы идём неверно, даже зная, что он никогда прежде не бывал в этой местности» (7).

Указывая на трудности во время маршрута, Э. Хультен отмечает: «Ветви собраны группами плотно, как метла, и верхушки торчат вертикально. Когда пробираешься по склону, приходится больше использовать руки, чем ноги, и это в целом напоминает гимнастику на верёвочной лестнице. Идти пешком здесь затруднительно, но вести лошадей – это и вовсе адский труд. Камчадалы далеко не божьи дети в том, что касается труда, и ольховников сильно боятся, однако Бурнашев – редкое исключение. Он ловко работает топором, отрубая ветви, чтобы освободить проход. Он обещал мне в точности следовать моим указаниям и держит своё слово» (8).

Описывая охоту во время путешествия, Э. Хультен пишет: «По долинке ручья поползли Бурнашев и я вверх по течению, надеясь встретить мишку, но он был шустрее, чем мы, и ушёл в сторону палатки, где моя жена готовила завтрак. Бурнашев и я сперва прицелились, и тут Приятель (собака. – В. Б.) появился нам по прицелу, громыхнули наши винчестеры. Она злобно заревела, думая, что мы промахиваемся мимо неё... Одна, вторая... пять, казалось, мы прошли её многократно, как штопальной иглой» (9). В завершении экспедиции Э. Хультен снова характеризует П. Г. Бурнашева как знатока местности: «Через несколько дней этого тяжёлого перехода мы пришли, наконец, в место, известное по прошлогоднему походу, первому форпосту цивилизации, маленькому купальному домику у Апачинских горячих источников. Мне трудно понять, как Бурнашев смог найти этот маленький домик посреди обширной однообразной берёзовой рощи без инструментов и без тропы» (10).

В фондах Архива Академии наук (АРАН) в переписке В. Л. Комарова имеется письмо к нему от Павла Бурнашева. Как в дальнейшем складывалась судьба обычного камчадала, проводника экспедиции Э. Хультена, как развивалась Камчатка в 1930-х гг., все это мы узнаем из этого письма, которое приводим полностью:

«Бурнашев Павел Григорьевич.

За двадцать лет, добрый день! Как я был рад, услышать от Вашего бывшего ученика Панина Кирилла Ивановича (1*) о вашем житье-бытье и здоровье! Наверное, Вы уже давно забыли о нас, так как это было так давно. Прошло много времени, так вот Владимир Леонтьевич как вышло дело: случайно для меня обо мне наводит справки Кирилл Иванович, где живет такой-то и чем занимается? Примерно так в мае месяце сего года на заводе Кихчик АКО пришлось его встретить и познакомиться. Узнав о Вас, я детально все его выспросил и рассказывал ему, откуда и как знаю Вас. Тогда же я дал слово, что напишу Вам о себе, надеюсь, если это Вас хоть и не обрадует, но все же вспомните о нашем крае – Камчатке. Желательно сначала о семье, а потом по порядку обо всем по немножко. Отец мой Григорий Александрович умер в 1917 г. перед революцией. Мать же умерла в 1919 г., помер и братишка мой Гришутка, если помните самый малый браток. Старший брат и я одинохоньки. В 23 г. я из-за недохода рыбы из Начик ушел в Апачу, а сейчас живу в Кихчике. Вот как это случилось. В 1915 г. я поступил на службу в ведомство связи, побывал в Приморье, а в 1919 году ушел со службы, занимался крестьянством, то есть, как знаете охотой и рыболовством. Так в 23 году рыба в Начику не пришла, и пришлось бросить родное село и переехать в Апачу, где в 26 году меня мобилизовали опять на почту и я пробыл 2 года в Усть-Большерецке. (Между прочим это село организовалось после Вас, после постройки телеграфа с 11 г., а сейчас оно районное – порядочное по населению.) Я по болезни опять ушел со службы, опять мотался среди крестьянства. С 1931 года опять поступил уже по согласию в связь, но уже линейным работником и с тех пор по сие время топчу тундру западного берега. Правда мне еще 45 лет, но жизнь искоробила мое здоровье, и приходится или уйти со службы, или ехать лечиться. На месте пока нет хорошей медпомощи. Жизнь моя так сложилась, что пришлось не раз быть в когтях смерти, но обходилось благополучно, лишь немного поболеешь и опять горбатишься, но результаты начинают сказываться. Так, пожалуй, об этом хватит, больно скучно это.

Расскажу Вам о жизни Камчатки вообще. Камчатка с 22-го года стала Советским уголком, о котором царское правительство не думало заботиться, за исключением постройкой церковей, церковных школ и т. п.

Теперь же за 13 лет Советской власти много, много изменилось. Всюду и везде колхозы. В каждом колхозе – школа, хотя и не достаточно по своему объему. Поп теперь и пристав не хозяйева, их не стало. Теперь хозяин села – это сельсовет, а в районе РИК. Теперь не редкость и не чудо встретить камчадала, который занимает должность прокурора, предРИКа, интегрального работника и пр., а нашего брата – связиста стало много, а ведь помните в селе не на редкость, а зачастую некому было написать какое-либо донесение начальнику уезда. Хотя неграмотность полностью не ликвидирована, но осталось их очень мало. Теперь на каком-нибудь собрании смотришь, камчадал стоит на трибуне и так режет, что любо дорого слушать, а было время и слова не добьешься. Мне это пришлось видеть и переживать и сделать вывод – какая разница против прежнего строя правления. Каждый имеет право говорить, каждый защищает права гражданина.

Помните, наверное, еще какие были хибарки в самом Петропавловске. Старого Петропавловска по чести сказать не стало, а стал новый Советский Петропавловск, да не кучка домишек, а от Сероглазки и чуть не до Солеварки растянулся. Мы видим теперь в городе во время праздников не один десяток или сотню людей, а целые десятки тысяч народу. Наряду с ростом города идет усиленное строительство и по селам. Имеется и МТС, что в старину и не думали никто из нас. Возьмем

ту несчастную тропу, которая связывала область с Петропавловском – её не стало между городом и Усть-Большерецком и также по восточному берегу частично, ходят автобусы. Трактор не только по совхозам есть и по колхозам. Раньше ведь об этих машинах никто и не мыслил. А трактористы-камчадалы не редко. Электричество – радиовещание, моторизация тоже в широком развитии.

Рыбоконсервные заводы (говорю про западное побережье) рабочих заводят не только на сезон, но и на несколько лет. Это дело в Вашу бытность здесь даже еще и не начиналось, а в советском хозяйстве рыба стала валютным делом. На рыбную путину партия и власть обратила особое внимание и конечно это правильно. В старое время по морю ходили только пароходы да шхуны, преимущественно в Японию, а теперь мы можем и в январе и в любое время года – сесть на катер или колосаки (кавасаки) и ехать в Петропавловск. Что было не под силу царским чиновникам, то советскому работнику ничего не стоит повернуть. Воздушная связь также здесь развивается, хотя не частная.

Почта и телеграф ранее были что-то не земное. С 10-го года провели телеграф от Петропавловска до Тигилия и в 13 году от Петропавловска до Козыревска. Работа по связи ежегодно развивается и развивается, наряду с этим растет и потребность в связи. Где нет телеграфа там телефон, радио, агентства и пр. А ведь этого при царе ничего абсолютно не было. Печать работает не только в городе, районе, но и по другим более населенным пунктам: рыбокомбинатам, совхозам и проч. В случае чего, пиши в газету и все.

Во время революции, хотя пороку и мало расходовали, но все же белым не так здоровилось и здесь. Власть Советов здесь настала, как я уже сказал, с 22 года, а до того хозяйничали тут и белые, и интервенты. Конечно, они были лишь только в Петропавловске и в окрестности его, а далее их власть почти не распространялась по месту, но между прочим хозяевами считались губернатор или ставленник Бирич, генерал Поляков и прочие черносотенцы, которым на материке уже не было места. Были и до них перевороты, была и Советская власть, но это на время бывало, сегодня красные, завтра – белые и конец положили всем бандитам уже в [19]22 г. Красная армия и партизаны. С тех пор ни Япония и кто другой не стали сюда заглядывать. Живем и строим без иностранцев и без белых. Между прочим я [1]922 году побывал в экспедиции на юг Камчатки до Курильского озера по центру полуострова по горам и обратный путь по морскому берегу от Явиной. Да, Владимир Леонтьевич, жизнь, т.е. время, не только меняет человеческую жизнь, меняется и природа. Возьмем например сопку Желтовскую. Ваш коллега Кондратьев в свою бытность около этой сопки предсказал ее конец молчанию и предсказание это сбылось в точности. Сопка, молчавшая неизвестное время, в 25 году сбросила свой колпак и начала извергаться. Да и много явлений в природе, то же Култучное озеро около Петропавловска стало заливать свои берега или почва оседает. Там, где можно было пройти в ботинках, вода стала сантиметров на 20–30.

Был я в экспедиции со шведом Хультемом, которого Вы возможно знаете и лично, а может нет, то знакомы с его сочинениями про Камчатку. Вот его то сочинение и повлекло к знакомству с Паниным, который, читая Хультена, заинтересовался мною. А Хультен как будто писал обо мне нисколько. Хультен будучи в экспедиции положил не мало трудов съемки южной части полуострова. Имея при себе последней техники аппарат. Он очень верно наносил на карту ту или иную точку. За ориентировочную точку он брал Опальскую сопку. Побывал я с ним с устья реки Банной до ее вершины, по Карымчиной тоже с устья до вершины, по Толмачевой, Опалой, Асаче, Ходутке, Саван, Гольгиной и Озерной. Он интересовался всем, что попадало ему на глаза. Большой интерес произвели на него горячие ключи, вулканы и гербарий. Пробыва здесь эта экспедиция три года и смоталась в 22 г. по эвакуации отсюда белых. Председателем экспедиции был Бергман, а всех их было 6 человек.

Как говорят, эта экспедиция не мало ценного материала вывезла с Камчатки. Теперь скажу Вам об охоте. Охота на соболя стала не завидная. Последние годы соболя стало мало. Лиса эта сохраняется и водится еще в достаточном количестве. Много больше стало, чем было раньше, выдры. Но, в общем, звероловство стало не завидно, так как во время последних лет царизма и во время революции охота не соблюдалась и в самом главном заповеднике Кроноки охотились на полный ход, чем и подкосили соболя. Вот с наступающего сезона на соболя сделали запуск, не будут его бить, возможно, он вновь заведется. Появилась белка – раньше ее здесь не было. Опыты домашнего выкармливания соболя не увенчались успехом, но все же на это не останавливается ни партия, ни правительство, опыты продолжают и как будто есть шансы на хорошее будущее.

Рыба стала иметь свое расписание. Раньше, как правило, рыбы ежегодно было достаточно, а с [1]914 года ход ея изменился и в некоторых реках в особенности по Большой рыба стала появ-

ляться только в четные годы, а в нечетные ее почти не приходит. Вот нынешней год ее было столько, что все реки испортились от гнилой рыбы.

Не знаю, какая участь постигла Ваших в то время товарищей Сергея Николаевича, Всеволода Павловича, (2*) где они сейчас, чем занимаются. Последнее письмо от Сергея Николаевича получили в [19]12 году, в котором он обещал еще раз написать, но так мы и не получили больше ничего. Что с ним случилось, не знаю. Был бы на много Вами обязан, если бы Вы написали мне о Вашем житье-бытье, здоровье, а также о Сергее Николаевиче.

Просил бы Вас не отказать писнуть мне письмецо. Возможно, Вас что заинтересует, а я тут не много по мыкался по горам, тундрам и озерам, возможно, был бы чем Вам полезен. Вот на днях я только закончил ремонт телеграфной линии на своем участке, вернулся в Кихчик, и можете ли представить, я подхожу к заводу, а оттуда снялся тральщик, на котором выехал Панин в Петропавловск, так и не пришлось его увидеть – такое огорчение. Он работает в КО ТИРХе (Камчатское отделение Тихоокеанского института рыбного хозяйства) и был здесь в Кихчике по изучению сельди. Сезон закончился, и он выехал в Петропавловск. Так, заканчивая на этом свое такое письмо, прошу Вас Владимир Леонтьевич, не забудьте нас Камчатских жителей, пишите письмо. Я буду считать долгом гражданина ответить на Ваше письмо. На столько, на сколько развит мой узкий кругозор. Шлю свой пламенный привет. О Вас я всегда помнил, и буду помнить.

До свидания. С соверш[енным] к Вам почт[ением] Бурнашев Павел Григорьевич. Кихчик. Камчатка.

от 4 октября 1934 г.» (11)

1. *Ширина Д. А.* Летопись экспедиций академии наук на Северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск, 1983. С. 3–20.
2. *Шмидт П. Ю.* Зоологический отдел. М., 1916. С. 355–360.
3. *Шмидт П. Ю.* Зоологический отдел. М., 1916. С. 34–235.
4. *Тошов В. Н.* По западному берегу Камчатки // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. СПб., 1906. Т. XXXVII. № 2. С. 36.
5. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. Петропавловск-Камчатский, 2008. С. 126, 128.
6. *Новограбленов П. Т.* Школьная летопись // Камчатский летописец. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 517.
7. *Sten Bergman.* Kamtchatka Stockholm / пер. М. Федорова. 1928. P. 330.
8. Там же. С. 331.
9. Там же. С. 340.
10. Там же. С. 368.
11. Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Ед. хр. 364.

Примечания:

1* – Панин Кирилл Иванович – известный ученый, стоял у истоков рыбохозяйственной науки на Дальнем Востоке. Родился в 1911 г. в Санкт-Петербурге.

В 1928 г. Кирилл Иванович окончил школу-девятилетку. В 1929 г. поступил в Ленинградский государственный университет на биологический факультет, который окончил в 1933 г.

По окончании университета Наркомпросом РСФСР К. И. Панин был отправлен на постоянную работу на Дальний Восток в распоряжение Всесоюзного Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИРХ, позже ТИНРО). С сентября 1933 г. по сентябрь 1955 г. работал в Камчатском отделении ТИНРО научным сотрудником, старшим научным сотрудником, заведующим лабораторией промысловой ихтиологии, директором отделения.

Свою работу на Камчатке К. И. Панин начинал в наблюдательном пункте по изучению сырьевой базы сельди в Кихчинском районе.

С 1955 по 1963 г. Кирилл Иванович – директор ТИНРО (г. Владивосток).

2* – Сергей Николаевич Поршняков, студент-естественник Петербургского университета, участвовал в экспедиции на свои средства.

Всеволод Павлович Савич, студент-естественник Петербургского университета, участник экспедиции. Входил в состав Ботанического отряда экспедиции, занимался коллектированием и изучением споровых, в особенности лишайников.

В. Е. Быкасов НИЖНЕ-КАМЧАТСКИЙ ОСТРОГ

В своё время мне уже довелось высказаться по поводу появления на Камчатке первых русских поселений (2). И уже тогда отметить неоднозначность в определении времени и мест их первоначального заложения, обусловленную недостатком, а, нередко, и отсутствием в исторических документах точных временных и пространственных реперов.

Что же касается собственно Нижне-Камчатска, то сам В. Атласов, отряду которого обычно приписывается строительство первого зимовья в нижней части долины р. Камчатки, в своих двух «Скасках» об этом не обмолвился ни единым словом. А потому исследователи и краеведы, говоря о месте и времени основания Нижне-Камчатского острога, отталкиваются при этом от данных С. П. Крашенинникова. Который, пусть бы и не совсем явным образом, показал, что за общим названием Нижне-Камчатский острог (зимовье) скрывается несколько поселений. Другое дело, что исходя из его данных, определить местоположения всех этих поселений довольно трудно.

В попытке разобраться во всей этой ситуации и предпринимается данное исследование. Которое, как представляется, следует начать с установления времени и места выхода отряда В. Атласова к р. Камчатке. Ибо именно с этого момента начинается история освоения её долины русскими. А, следовательно, и история Нижне-Камчатска.

На мой взгляд, скорее всего, атласовцы спустились в долину р. Камчатки тогда, когда там уже распустилась листва – то есть в конце мая или в начале июня (3). Этого же мнения придерживаются и некоторые (4, с. 23) камчатские краеведы.

Примерно об этом же времени говорит и Г. А. Леонтьева, когда утверждает, что «Осенью 1697 г. Атласов вернулся на приток реки Камчатки – речку Еловку в построенное ещё весной того же года зимовье» (17, с. 90). Из чего следует, что атласовцы спустились в долину р. Еловки, поставили там два зимовья (там же, с. 79) и только затем сплавились к р. Камчатке.

Однако это суждение Г. А. Леонтьевой противоречит другому её представлению о месте выхода отряда В. Атласова к р. Камчатке: «В то время местные жители чаще всего с Тигиля на реку Камчатку переходили по её левому притоку – речке Еловке, верховья которой близко подходили к верховью Тигиля. Часть пути по Тигилю отряд преодолел на оленних упряжках. **У верховьев Тигиля** (здесь и далее выделено мною. – В. Б.), ввиду наступившей весны, Атласов оставил несколько юкагиров с оленями и нартами и пешим пошёл на Еловку. Путь был тяжёлым. Продовольствие, оружие и прочую кладь люди несли на себе» (Там же, с. 76).

То, что пеший поход был тяжёлым, сомнений не вызывает. Проблема тут заключается в том, через какие конкретно места шли нагруженные до предела казаки. Ибо из приведённого высказывания, а также из анализа «Карты маршрутов В. В. Атласова», составленной самой Г. А. Леонтьевой (там же, с. 189), следует, что казаки от истоков Большого Тигиля напрямую вышли к истокам р. Белой и оттуда – к устью р. Еловки.

Однако на этом предполагаемом пути стоит огромный по высоте (2 598 м – Алней, 2 526 м – Чашаконджа) и протяжённости вулканический массив Алней-Чашаконджа, крутые западные склоны которого на полтора километра возвышаются над пологим лавовым плато. А ещё более крутые восточные склоны высоким (до 500 м) уступом обрываются к двум громадным (до 6 км в поперечнике) кратерам, днища которых заняты большими ледниками, дающим начало р. Белой и Киревне. К тому же, на якобы прямом пути от нижней части долины р. Белой к устью р. Еловки располагается практически непроходимая сеть болот, озёр и проток приустьевой части долины р. Еловки.

То есть, говоря иначе, пойти этим путём казаки никак не могли. Тем более, что нанятые В. Атласовым «вожи» прекрасно знали всю эту местность и пути продвижения по ней. Да и сами казаки, ещё до подхода к истокам Большого Тигиля, могли бы прекрасно разглядеть, что единственно возможный путь в долину р. Камчатки пролегает через пологий и низкий (около 1 000 м над у. м.) перевал, расположенный к юго-юго-западу от влк. Чашаконджа.

Впрочем, и в случае движения к этому перевалу долиной р. Малый Тигиль (левый приток Большого Тигиля) отряд вышел бы к истокам нынешней р. Половинной, по долине которой спуститься можно только к Камчатке, а не к Еловке. А это совершенно не соответствует представлению Г. А. Леонтьевой о том, что отряд В. Атласова, сойдя со склонов Срединного хребта к р. Еловке, посетил на своём пути к р. Камчатке четыре ительменских острожка: Горбунов и Горелый (Дачхон), располагавшиеся в 40 верстах выше устья р. Еловки; Коанным, стоявший в 20 верстах выше устья Еловки, а также острожек Пингаушч, стоявший в 26 верстах ниже устья этой реки. Ибо для того,